

регу пруда, и после свидания Лиза возвращается в хижину своей матери, а Эраст — в Москву, и для обоих это означает возврат к реальной жизни. Эраст просит Лизу не выдавать тайну их любви старушке-матери — это разрушило бы полноту иллюзии, в которую он сам уже почти успел поверить: «Эраст восхищался своей пастушкой — так называл Лизу — и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. „Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!“».⁷⁰ Автор тут же укоряет Эраста за безрассудство: разве может человек знать свое сердце и отвечать за его движения? Тем самым Карамзин подготавливает читателя к будущим печальным событиям. Старушка-мать, которой нравится молодой барин, не надеется на его брак с Лизой и хочет выдать дочь за посватавшегося к ней богатого крестьянина. Узнав об этом, Эраст по всем правилам идиллии начинает уверять Лизу, что никогда ее не покинет: «... по смерти матери ее он возьмет ее к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю».⁷¹ Лиза смотрит на это более трезво и отвечает: «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» — «Почему же?» — «Я крестьянка». Социальный момент введен не случайно — за ним последует и любовное разочарование. Лиза отдается Эрасту, но в высшем наслаждении любви уже кроется начало конца. Из мира идиллии Эраст возвращается в мир давно знакомых ощущений: «Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде восплял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог гордиться и которые были для него уже не новы».⁷² Таким образом, Эраст неизбежно должен оставить Лизу. Несмотря на минутные порывы искренности и запоздалое раскаяние, он являет собой законченный тип эгоиста и клятвопреступника.

Самобытность Карамзина, избравшего для своей повести малооригинальную тему, состоит как раз в том, что он сумел искусно показать разрыв между литературой и действительностью, между идеалами и человеческой природой. Он воплотил

⁷⁰ Там же, стр. 614.

⁷¹ Там же, стр. 615.

⁷² Там же, стр. 616.